

Лев Абрамович Кассиль Черемыш – брат героя

Аннотация

Книга «Черемыш – брат героя» (1938) была одной из удачнейших попыток создания повести о новой советской школе, выдержавшая много изданий. В ней писатель стремится решить актуальные для молодого поколения того времени социальные и моральные проблемы, касающиеся выбора идеала в жизни, понятия чести и героизма, верности и мужества. Особенно удался автору образ главного героя книги – Гешки Черемыша, мальчишки-детдомовца, мечтающего о старшем брате. Обаяние и притягательность этого подростка усиливают его рано сформировавшийся характер, целеустремленность, умение по-настоящему дружить, рыцарское отношение к сверстникам, увлеченность спортом и даже его мучительные переживания из-за того, что красивая мечта незаметно превратилась в постыдную ложь, в которой он сам мужественно признался знаменитому летчику. Запоминаются и другие образы школьников, например: Ани Баратовой, «багровощекого» увальня Феди Плинтуса. Сложная психология ребят-подростков раскрывается автором с тонким юмором. Из взрослых героев наиболее удачен Климентий Черемыш, прообразом которого был Валерий Чкалов. Острый конфликт, загадочные и напряженные ситуации увеличивают занимательность книги.

В классе новенький!

В новичке не было ничего примечательного. Мальчик как мальчик. Невзрачный такой. Лобастый и накоротко стриженный. Но с виду не тихий. Смотрит ровно, напрямик. Уставится – так не переглядишь, сам сморгнешь.

Пришел он в школу вместе с детдомовскими. Однако одет в свое. Гимнастерка на военный лад. Но заметно, что сшита на другого. Рукава подвернуты. Воротник вокруг шеи – как обруч на палке. На воротнике голубые полосы.

– Под летчика вырядился, фы!.. Нацепил петлички! – фыркнул толстый пучеглазый Федя Плинтусов, которого в классе звали просто Плинтус.

На партах хихикнули.

Новенький внимательно посмотрел на толстяка и вдруг смешно надул щеки.

Плинтус моргнул, засопел и разинул рот. Но тотчас же, поперхнувшись, закрыл его.

– Скушал на здоровье, – сказал новичок, усаживаясь на заднюю парту, где было свободное место, рядом с молчаливым Колей Званцевым – тоже из детского дома.

Тихонький Званцев почему-то сразу заважничал и поглядывал теперь на класс так, будто узнал что-то очень интересное...

Звонок уже был, но в классе еще не уgomонились – от крика и возни парты ходуном ходили. Ребята всем своим видом давали понять, что им дела нет до новичка. На него будто и внимания не обратили. Но всем хотелось показать себя новенькому с лучшей стороны. Поэтому девочки бегали вокруг парт, старательно визжа. А мальчики, схватившись у доски, тузили друг друга с преувеличенным рвением.

Упрямый новичок должен был видеть, что попал в класс отчаянный...

Но тут в дверь, сам себя нахлестывая ремнем, влетел с прискоком высокий чернявый мальчик. Между носом и оттопыренной верхней губой у него были зажаты две гусиные кисточки для красок. Они торчали, как усы. Чернявый и плечи даже держал так, словно за ними распласталась на скаку бурка.

– По коням! – закричал чернявый.

И все кинулись за парты.

Вошла учительница. Волосы у нее были седые, собранные в большой узел на затылке. Но сама она двигалась легко, и походка у нее была совсем девичья.

Класс вскочил ладно и вдруг. По тому, с каким удо- вольствием и треском выполнен был закон встречи, можно было догадаться, что учительница строга, но любима.

– Доброе утро! – сказала учительница таким неожиданно молодым голосом, что новичок вскинул на нее удивленные глаза.

– Драссте, Докия Ласьна!.. Здравствуйте, Евдокия Власьевна! – хором закричал класс. – А у нас новенький в классе!

– Знаю, знаю, садитесь! – Она стояла, опершись ладонями о край стола, закинув голову, словно волосы оттягивали ее назад, и оглядывала класс. – Садитесь, садитесь! – повторяла она.

Все опустили на места.

Но когда Евдокия Власьевна стала спрашивать фамилию новенького, чтобы занести в журнал, и новичок поднялся на задней парте и назвал себя, весь класс всколыхнулся...

– Черемыш, – негромко, но внятно произнес новичок. – Черемыш Геннадий, – отчетливо повторил он.

И, за исключением детдомовских, которые теперь торжественно оглядывали класс, все разом обернулись к задней парте.

– Черемыш?!

– У, какая у тебя фамилия знаменитая! – сказала Евдокия Власьевна. – Не родственник тому? – Она показала пальцем на потолок.

– Это мой брат, – ответил мальчик, потупившись, и так зарумянился, что даже стриженная макушка его порозовела сквозь колючую белесоватую стернь волос.

– Вот как?! В самом деле!.. Родной брат! Это хорошо! Это хорошо! Таким братом гордиться можно. И не только тебе – всем нам. Ну, ребята, надо будет подтянуться. А то если наш Черемыш так же быстро и высоко заберется в науках, как его брат – в небе, то вам за ним не угнаться. Ну, а теперь довольно шуметь. Тишина! Плинтусов, сядь! Где твое место? Как это ты успел на задней парте очутиться? Это что за новоселье?

Багровощекий увалень оказался настигнутым после перебежки. Плинтусу не терпелось расспросить новичка о его прославленном брате, и он решил незаметно подсесть к Черемышу.

– Я теперь тут навсегда буду сидеть, Евдокия Власьевна! – закричал Плинтус.

– Почему же вас там трое на парте?

– Потому что, Евдокия Власьевна... новенький, вот, Евдокия Власьевна, место занял... А я еще на той неделе сюда собирался пересесть, Евдокия Власьевна. Ничего, нам, Евдокия Власьевна, вдвоем не тесно, мы как-нибудь...

– Марш, марш на место! – сказала Евдокия Власьевна, хлопая рукой по столу. – Живо отсаживайся! Плинтусов, это я тебе говорю. Что ты Званцева выселяешь с его законного места? Это ты там лишний.

Плинтус с неохотой покинул парту Черемыша и Званцева и, переваливаясь, побрел восвояси.

– Скопление мятежников рассеяно, – громким шепотом возвестил чернявый.

Плинтус зло плюхнулся на свою парту. По классу побежали смешки.

– Лукашин, – строго сказала Евдокия Власьева, – может быть, обойдемся без твоих примечаний?

Затихло. Но через минуту Званцев получил записку от настойчивого толстяка:

«Колька! Давай меняться впересадку. Ты на мое место, а я на твое. Тебе же выгода: у вас парта со скрипом. Как урок, так двинуться нельзя. А с моего места даже каланчу напротив видно. Жду ответа. Ф. П.».

Но Званцев, обычно такой сговорчивый, на этот раз только язык показал.

– Ладно, ладно! – погрозил ему Плинтус. – Припомнишь у меня...

Но тут его вызвала Евдокия Власьева. Пыхтя и багровея, поплелся он к карте.

Черемыш тем временем поглядывал в окно. Тихий городок лежал за стеклами. Белесоватое северное небо. Свежие бревенчатые срубы. Кирпичное здание с флагом и портретами вождей на фронтоне: райсовет. Высокие ели росли прямо на улице. Город был невелик. Бор смотрел уже из-за ближних домов.

Везли лес. Бревна, огромные рыжие стволы мачтовых сосен, ползли на разъятых дорогах: от передка, где, правая, сидел возчик, до задних колес – чуть не верста!

От окна новичка отвлек солнечный заяц. Заяц вспрыгнул на парту, скользнул по гимнастерке, соскочил на стену. Потом радужное пятнышко мазнуло Черемыша по макушке. И все увидели, как в стриженных ершистых волосах забегали на мгновение оранжевые, красные, зеленые, фиолетовые искорки. Рядом тихо засмеялись. Новичок огляделся и зажмурился: зайчик, слепя, задел его глаз, вильнул, заметался и совсем погас. Но Черемыш, уколотый лучом в глаз, заметил зеркальце, вспыхнувшее в руках маленькой ученицы. Она быстро отвернулась, насмешливо сморщив нос и передернув озорными колючими плечиками. Это она донимала новичка. Солидная ее соседка, староста класса, осуждающе качала головой. Но ей и самой было смешно.

Вообще нелегко было в этот урок сохранить порядок в классе. Все украдкой то и дело поглядывали на новичка. Шутка ли сказать – родной брат Климентия Черемыша! Кто бы мог подумать? Такой с виду неказистый, а брат!..

Евдокия Власьева тем временем спрашивала незадачливого Плинтуса, стоявшего возле карты:

– Ну, о чем ты читал сегодня к уроку, Плинтусов?

– О реках Сибири, – убитым голосом отвечал Плинтус.

– Ну, расскажи нам.

– В Сибири есть реки, – начал Плинтус довольно уверенно, – они текут и впадают...

Молчание.

– Ну, какие же это реки?

– Реки в Сибири ужасно глубокие, – тяжело вздохнул Плинтус.

– А вот это какая река? – спросила Евдокия Власьева, тронув карту указкой.

Плинтус молчал, беспомощно водя пальцем по одной из толстых синих прожилок на карте. Новичок поднял руку.

– Ин-ди-гир-ка, – отчеканил новичок.

– Правильно, Черемыш, – улыбнулась Евдокия Власьева. – Еще бы Индигирку тебе не знать: как раз на трассе у брата была.

И все посмотрели на карту. Карта была потрепанная, старая. На ней виднелись следы потайного карандаша, слабо начертавшего наименования «немых» городов и рек. Бумага кое-где отстала от полотна, запузырилась и лопнула, образовав горы и возвышенности там, где значилась равнина... Все посмотрели на эту десятки раз виденную, уже заученную карту и словно впервые разглядели ее, на ней будто проступило что-то... Стали видны бесконечные глухие дали тайги, километры, километры, километры просторов, и

нескончаемые льды, и ветры, и расстояния...

И над всем этим провел в небе свой самолет Климентий Черемыш, знаменитый советский летчик.

Все посмотрели на карту и ужаснулись, как велика земля, как труден был подвиг...

И это совершил брат вон того стриженного мальчика, что сидел теперь на задней парте рядом с Колькой Званцевым.

Тоже Черемыш, только Геннадий, Гешка. И с виду совсем обыкновенный мальчик. Пожалуй, Плинтус его одной рукой одолеет.

– Вот сколько славы у нас на карте, ребята, куда ни посмотришь! – сказала своим певучим голосом Евдокия Власьевна и задумчиво обернулась к доске. – Двадцать семь лет я у этой карты стою... И я за это время изменилась, и карта другая стала. И по всей этой карте мои выученики живут, плавают, летают... Один уже академиком, ребята, стал... А тоже у этой карты мне урок отвечал. Два доктора разных наук есть. Капитан дальнего плавания, летчики, машинисты, гидротехники... Новые города на эту карту наносят, реки поворачивают, моря друг с дружкой соединяют... И мне письма пишут, меня новой географии обучают... Ученики мои...

Мягко и широко обвела своей легкой рукой учительница большую страну, занявшую почти всю карту Европы и Азии.

Брат, того самого...

– Вы знаете, – сказала Евдокия Власьевна, входя после урока в учительскую, – новичок у нас в пятом «Б», ну, знаете, из детского дома, Черемыш. Так, оказывается, брат того самого Черемыша, летчика.

Даже учителя все заинтересовались новичком. Они как бы невзначай проходили мимо Гешки и приглядывались.

– Только, пожалуйста, не выделяйте, не выпячивайте его, сделайте одолжение, – твердил директор Кирилл Степанович. – Хуже нет этого, тем более что он парень, видно, еще не набалованный, скромница, и это очень хорошо.

– Удивляюсь немножко, – говорила Евдокия Власьевна, – все-таки брат такого знатного человека и живет почему-то в детском доме. Неужели старший брат не может его при себе в Москве держать?

Тут директор заявил, что отношения Гешки с его братом – дело частное. Мальчик – сирота. Переведен в местный детский дом из города Н. В прежней школе поведение и успехи его были отменные, а вмешиваться в личную жизнь героев директор не намерен.

Весть о том, что в пятом классе «Б» будет теперь учиться родной брат летчика Черемыша, быстро обошла всю школу. У дверей пятого класса «Б» вертелись, юлили мошкаркой пронырливые первоклассники. Сметая их на ходу, делая равнодушные лица, в класс заглядывали солидные парни из старших классов. Всем хотелось поглядеть на брата героя.

– Это ты того Черемыша брат? – спрашивали в сотый раз Гешку.

– Вот ловко – брат!.. А!..

– Ты вон кто, оказывается! А мы сразу не догадались.

Толстый Плинтус не знал, как загладить свою утреннюю шутку насчет голубых петличек. Теперь всем было понятно, откуда у новичка гимнастерка пилота.

– Это здорово, что ты к нам поступил! – бубнил Плинтус. – У нас ребята один к одному... елка к елке, лес строевой.

Староста класса Аня Баратова подошла к новичку.

– Вы сами тоже летали когда-нибудь? – спросила Аня.

– Приходилось, – ответил Черемыш, – на «П-5». Но, – добавил вдруг Гешка другим, поучающим голосом, – самолеты различных типов, как и различные лошади, ведут себя также различно. В первое время летайте на новом для вас самолете особенно осторожно.

Он выпалил это без единой запинки, как заведенный. Даже не передохнул ни разу. Аня, староста, с уважением глядела на него. Где ей было догадаться, что Гешка жарит наизусть из авиационного учебника! Там эта фраза была напечатана курсивом.

– Эх, вот бы мне полетать хоть крошечку! – воскликнула маленькая Рита – та, что задирала Гешку зайчиком от зеркала.

– О, – передразнил ее лупоглазый Плинтус, – а сама бы скорее вниз запросилась!

– И ничего подобного бы, не запросилась! Это спервоначалу только наверху страшно кажется... А я бы первый разок попросилась не совсем высоко...

– Лихачество на небольшой высоте может привести к тому, что вашим друзьям придется отнести цветы на вашу могилу, – заводным голосом сказал Гешка.

Плинтус только глаза еще больше выпучил. Он был подавлен зловещей ученостью новичка.

– А Плинтуса даже и самолет не поднимет, – сказала Аня.

Аня Баратова была рослая девочка. Правда, она была лишь на полголовы выше Гешки, но ему показалось, что Аня смотрит на него свысока. Однако он не отвел глаз. Его заинтересовала Анина прическа – баранчиком, как назвал Гешка про себя. Косы у Ани были свернуты по бокам головы в виде наушников. Прическа эта показалась Гешке ужасно смешной. Найдя у старосты класса эту слабую сторону, Гешка успокоился и снова почувствовал свое превосходство. Тут Аня спросила, почему он не живет в Москве у Климентия.

– На то есть «почему», только долго объяснять, – сказал, замаявшись, Гешка, и все увидели, что Гешка что-то скрывает. – С квартирой у него еще не налажено. Он в общежитии

летчиков. Это раз. Дома он почти не бывает, летает все... Да и так, вообще... Но он мне часто письма пишет.

И Гешка вынул из сумки надорванный конверт с письмом. На конверте был московский штемпель, и внизу ребята прочитали обратный адрес: «Москва, Авиагородок, Кл. Черемыш».

Все хотели непременно потрогать драгоценный конверт. Восхищались почерком.

– Красиво пишет, с толстым нажимом, – оценил Плинтус. – А про чего он пишет?

Прочти.

Все возмутились, замахали на него руками.

– Вот дурной Плинтус! – сказала Аня.

Но Гешка оценил эту деликатность новых товарищей.

– Любознательность послужила причиной многих открытий, – произнес он, сам вынул из конверта письмо и, загнув листок, показал его.

«Прости, что я тебе редко пишу, Геша. Сейчас работаем ночи напролет. Сдаем новое правительственное задание. С комнатой обещают мне в скором времени наладить. Этот год еще поживи так, а потом пора и снять тебя с государственного кошта. Ну, учись хорошенько. Будь здоров, браток. Кл. Черемыш».

– Счастливый! – говорили ребята и с завистью поглядывали на мальчика, стараясь отыскать в нем печать славного родства.

Военлет Черемыш

Не было в классе, не было в школе, не было во всем городе Северянске, да и во всей стране не было человека, который бы не знал, кто такой Климентий Черемыш. Герой Советского Союза, военный летчик майор Черемыш прославился еще на Дальнем Востоке.

Тогда Красная Армия дала немногословный и поучительный урок белокуитайцам и бандитам, захотевшим поразбойничать на Китайско-Восточной железной дороге.

Оглушительным ударом ответила на дерзость врага Особая Дальневосточная Красная Армия. Среди отличившихся в этой операции был и молодой военлет Климентий Черемыш.

Он был ранен. Его привезли в Москву. Знаменитейший хирург вынул у него из груди пулю. А потом в незабываемый, ослепительный и торжественный кремлевский вечер на зажившей груди Черемыша появился первый орден.

Года три Климентий был летчиком-испытателем. А я водил в небо на первый воздушный экзамен новые боевые машины. Затем стало известно, что он награжден вторым орденом. «За особые заслуги в деле укрепления оборонной мощи страны и образцовое выполнение специального правительственного задания» – так было написано в газете.

Вскоре имя его прогремело по всей стране в сверхрекордном, сверхдальнем арктическом перелете. Он получил звание Героя Советского Союза, стал одним из самых лучших летчиков Красного Воздушного Флота, одним из самых знатных людей в стране. Вся страна повторяла короткие и веселые радиogramмы Климения с борта самолета: «Мотор – как часы. Летим – как по-писаному. Прочее соответственно».

«Прочее соответственно» – так кончались все сообщения с самолета. Эти два слова обозначали, что люди крепки, приборы точны, настроение отличное, все обстоит как нельзя лучше.

Климентий был неутомим. Он брался за самые трудные, самые ответственные задания. Он, если требовалось, летел в самые глухие и далекие углы страны, вывозил заболевших зимовщиков с островов, с кораблей, зажатых льдами. Ставил рекорды скорости. Он работал весело и быстро. Отмахивался от назойливой славы. А в дни больших народных праздников его бешено ревущая, почти неуглядимая машина первой врывалась в праздничное небо над Красной площадью. Забравшись на огромную высоту, багровый кургузый самолетик, похожий на оперенный бочонок, стремглав свергался вниз, куролесил, кувыркался и снова шестисотметровым швырком, по отвесу, возносился вверх.

Воздух вокруг был полон гремящего воя. Мотор с дискантового минора переходил на басовый мажор.

А на земле люди, задирая кверху головы и ежась, дивились неистовому искусству высшего пилотажа, великим мастером которого слыл Климентий Черемыш.

Вот какой брат был у Гешки!

Класс и его родственники

Все завидовали ему. Мальчики вообще любят хвастаться своими старшими братьями. И каждый хотел иметь чем-нибудь примечательного старшего брата. Это была поголовная мечта. «Вот у меня брат!» – слышалось то и дело в классе. «У меня брательник, знаешь, он на заводе первый. Ему к Октябрю велосипед премировали».

И даже толстый Плинтус, старший брат которого был замечателен лишь тем, что превосходил по объему младшего, похвалился однажды:

– Это что! Вот у меня брат, так он может два батона, халу и кило ситного зараз съесть!

Другие рассказывали, что у них братья инженеры, врачи, пограничники. У Коли Званцева брат был художник.

Миша Сбруев хвастал, что у него двоюродный брат – конный милиционер. У Ани Баратовой старшая сестра – химичка в Ленинграде. Впрочем, мальчики, мечтавшие о знаменитых старших братьях, сестер в счет не брали.

Однако в разговорах о братьях и сестрах выяснилось, что почти у всех есть родство с замечательными людьми, Люди эти были, может быть, и не очень знатные, но просто хорошие советские люди, работающие, нужные, живущие весело и интересно; конструкторы, сталевары, учителя, мастера, комбайнеры, артисты. Но все это, конечно, не уменьшало славы Гешки Черемыша, старший брат которого был прославлен на весь мир. Тут уж и спорить было нечего... Просто вот так уж повезло парню из пятого класса «Б» в третьей северянской средней школе-десятилетке.

Пятый класс «Б» гордился Гешкой. Действительно, не в каждом классе учится брат такого героя! Для всей страны был летчик майор Климентий Черемыш, а для Гешкиных одноклассников – «Черемыша из нашего класса брат..., Гешкин брат».

И, когда почтальон Валенюк проходил утром мимо школы, ребята выбегали навстречу ему и кричали:

– А Черемышу нет?

– Есть – заказное срешное, – неизменно отвечал почтальон, – только еще чернила не просохли. В Москве лежит, сохнет.

Но изредка действительно оказывалось письмо из Москвы. Ребята вносили в класс, вырывая друг у друга, конверт, в обратном адресе которого значилось: «Кл. Черемыш». Гешка никогда не читал письма в классе. Он уносил к себе в детский дом и там, в укромном уголке, за печкой, прочитывал.

– Ну, что пишет? – интересовались на другой день ребята. – Никуда не летит?

Но Гешка отмалчивался.

Так каждое письмо окутывалось некоей тайной. И вообще ребята чувствовали, что в отношениях между Гешкой и его знатным братом есть какой-то секрет, который Гешка ни за что никому не выдаст. Впрочем, он охотно рисовал для ребят цветными карандашами портреты своего брата. У него была богатейшая коллекция фотографий знамени– того летчика. Он аккуратно вырезал их из журналов. У Климентия на портретах был просторный лоб и широко поставленные глаза. От этого меж бровей, над переносицей, выпирал выпуклый треугольник, и глаза смотрели упрямо, широким и зорким оглядом. Климентий Черемыш, коренастый и смуглый, улыбался, выглядывал из люка самолета, кого-то приветствовал.

И слава брата была так неотделима от Гешки, что даже Евдокия Власьевна говорила иногда на уроках:

– Черемыш, Черемыш, сиди как следует! Ай-ай-ай!.. Стыдно! А еще, брат героя! Не подобает тебе...

Иногда это становилось даже скучным. Хочешь не хочешь, а надо хорошо заниматься. Неловко, если брат героя и вдруг будет отстающим. Нельзя было участвовать во многих проделках ребят. Неудобно – скажут: брат такого героя, а хулиган, фамилию позоришь... Ничего не поделаешь – раз уж вышел из такой геройской семьи, так «прочее соответственно» должно быть: изволь и сам соответствовать высокому родству!

Вольные хоккеисты

Но Гешка Черемыш завоевал уважение товарищей в школе не только своей фамилией. Одной фамилией ничего бы он не добился. Первые дни, правда, все охали. А потом понемножку привыкли. Брат так брат. Что уж тут такого?!

Но едва открылся в городе каток, слава Гешки снова загредела по классам. На коньках «снегурочка» он обогнал самого Лукашина, а Лукашин слыл чемпионом школы от первого класса «А» до пятого «Б». И бежал он на настоящих «норвегах». К тому же Гешка оказался добрым хоккеистом.

А в городе Северянске, близком к морозным краям нашей страны, зима была ранняя и долгая. Все очень уважали русский хоккей, летучую и искристую игру – борьбу за маленький пробковый мяч в вихре льдистой пыли, в высверках стали и стуке клюшек...

И вот оказалось, что Гешка Черемыш – замечательный хоккеист. Он играл нападающим на правом крае и обладал редким умением бить с ходу точно по воротам. Никто не умел так внезапно, на бегу отставив одну ногу в сторону, резнув лезвием с полного разгона лед, застопорить на месте и, завертевшись, мгновенно взять обратный разбег.

Кроме того, Гешка уснащал свои разговоры на катке множеством летных выражений.

– Клюшку на себя! – командовал Гешка. – Заходи на удар! – распоряжался он. – Сажай на три точки! Есть!.. Впритирочку!

Это нравилось хоккеистам. Игра приобретала боевую значительность. Гешку на катке оценили.

Зима в Северянске наступала рано, и в то время как в Москве еще доигрывались на взмокшей траве стадионов осенние матчи в футбол, в Северянске на подмерзших прудах и лужах уже появлялись вольные и дикие хоккеисты, гоня по льду все, что попадалось под клюшку, будь то старая галоша или смерзшаяся навозная лепеха.

Старшеклассники играли в юношеских командах города. А в школе были две свои «вольные» хоккейные команды. В первой капитаном вскоре стал Геша Черемыш, во второй... Вторая команда была «девчачья», как называли ее в школе. Организовала ее Аня

Баратова. Аню Баратову дразнили в школе «мальчишницей», потому что она одинаково хорошо и просто водилась как с девочками, так и с мальчиками. И ни Гешке, ни Плинтусу, ни тихонькому Коле Званцеву, ни воинственному задире Лукашину никогда не приходило в голову подразнить Аню, как других девчонок. Она была своя. С ней было интересно.

Команда Ани Баратовой была сколочена еще за год до поступления Гешки в школу. Девочки сперва шли неохотно, стеснялись, говорили, что хоккей – это «мальчишья», игра. Но успехи «девчачьей» команды сделали школьниц героями катка.

А зимами каток был центральным местом в городе. Каток устраивали на реке, огораживая флажками, вехами, а со стороны берега – легким временным палисадом участок замерзшего русла. И Аня Баратова добила своего. Девочки, которые и прежде отлично катались на коньках, раздобыли теперь кустарные клюшки и вскоре стали такими же азартными игроками, как и мальчики. Еще в прошлом году команда Ани Баратовой вышла на первое место среди девочек Северянска. Но все же мальчики относились к хоккеисткам пренебрежительно, считая, что «девчачий хоккей – это не игра, а один писк»...

Испытание

Однажды радио, а потом газеты принесли из Москвы весть, что Герой Советского Союза летчик майор Климентий Черемыш один отправился в новый неслыханный беспосадочный перелет Севастополь-Чукотка. Наискось через всю страну – из угла в угол! На одноместном скоростном самолете. Сквозь осенние ливни юга, напролом через туманные заморозки средней полосы и метели таежной зимы. Когда в школе узнали об этом, Климентий Черемыш летел уже над предгорьями Урала.

На большой карте красной ниткой, приколотой булавками, обозначили маршрут перелета. Вдоль нее передвигали флажок. Вечером пришло известие, что Черемыш летит над тайгой. Потом связь с летчиком оборвалась. Флажок на карте остался неподвижным...

Утром Гешка пришел в класс осунувшийся и молчаливый. Ребята боялись взглянуть на него. Климентий Черемыш исчез в бездонных даях Восточной Сибири.

– Ты только, Геша, не волнуйся, прежде всего, – говорила Аня. – Я вот почему-то уверена...

– Конечно, мало ли что, – начал толстый Плинтус. – Может быть, знаешь чего? Может, вдруг атмосфера не пропускает там радио. А потом пропустит, и мы узнаем.

– «Атмосфера, атмосфера!»! – сказал Гешка. – В голове у тебя, видно, атмосфера!

Начались уроки. Но учителя и ребята то и дело поглядывали на крайнюю заднюю парту, где сидел, опустив голову, Гешка Черемыш, брат летчика, сгинувшего в безлюдной студенной глухомани Севера.

Учителя не вызывали в этот день Гешку. Перед письменной по математике сам директор справился, как он себя чувствует, не освободить ли его от работы. Но Гешка упрямо заявил, что хочет решить задачу, и наотрез отказался от поблажек.

Задача была не очень трудная, хотя и запутанная. Решать ее нужно было осмотрительно, со вниманием. А Гешка никак не мог собрать свои мысли. И Званцев видел, что сосед его рисует на промокашке самолеты... Много самолетов... А на страничке раскрытой тетради по математике у Гешки по-прежнему ничего не было, кроме условия задачи. Званцев хотел подсказать Гешке решение, но тот зло отмахнулся.

Скоро почти все решили задачу. Сдав тетради учителю, ребята выходили из класса, оглядываясь на Гешку. Гешка по-прежнему сидел за партой, не подымая головы. Вот уже и Плинтус кончил. А Гешка все еще решал задачу в опустевшем классе.

– Ну, как Гешка там? – спрашивали ребята у Плинтуса, вышедшего в коридор.

Плинтус только рукой махнул.

– Не повезло сегодня братьям, – сказал остряк Лукашин, – и этот завяз... без вести пропал.

Его чуть не отколотили.

- Тебе что, смешно?
- Ну, уж пошутить нельзя...
- Нашел чем шутить!

Ребята теснились у дверей класса, заглядывали через замочную скважину – как там Гешка Черемыш... Пытались даже подсказать ответ задачи. Не заметили, что подошел директор Кирилл Степанович.

– Это вы там кого через замочную скважину в науку вытягиваете? – раздался вдруг его низковатый голос, и все шарахнулись от двери.

А Кирилл Степанович подошел, плотнее прикрыл дверь в класс и, обернувшись к смущенным ребятам, продолжал:

– Говорят вам, говорят, что у нас двери в науку для всех широко раскрыты, а вы все сквозь щелочку хотите знание подсовывать. Тесновата щелочка для науки. Пошли бы вы лучше погуляли, чем тут толкаться да шептаться.

Директор ушел в учительскую, а ребята, ненадолго отошедшие от двери, как только он скрылся, снова все, как один, не сговариваясь, слетелись к дверям. Каждого выходящего из класса сейчас же осаждали расспросами:

- Ну, как Гешка? Выходит у него?

А тот, легонько отдуваясь после усилий, потраченных на решение задачи, и сообщив, что Черемыш все еще решает, шепотом спрашивал в свою очередь:

- Икс чему равен? Тридцать два?

И, успокоенный тем, что ответ у него сошелся с другими, сам начинал заглядывать в класс, на Гешку.

Вышел Миша Сбруев, потный и взъерошенный... Вид у него был такой, что никто даже не спросил уже про Черемыша.

- Решил! – торжественно объявил Сбруев.
- А у тебя что получилось? – поинтересовалась Аня.
- У меня получилось, – отвечал Сбруев, – сто тринадцать да еще там с дробью...

Поднялся шум, приглушенный хохот у дверей. Аня, зажимая ладонью рот, махала на всех рукой. Но тут внезапно открылась дверь класса, и показался усталый Гешка.

Все кинулись к нему:

- Решил?

Гешка только кивнул утомленно.

- У тебя чему икс равен? – не мог успокоиться Сбруев.
- Тридцать два, – сказал Гешка. – А что?
- Молодец, Гешка! Правильно!.. Верно решил! – обрадовались ребята.

У всех словно от сердца отлегло.

А перед четвертым уроком, когда уже был звонок и в классе все расселись по местам, появилась вдруг, не по расписанию, Евдокия Власьевна. Помолодев от волнения, придерживая падающую прическу, стремительно подошла она к парте, где сидел Гешка. И на парту упала ее шпилька.

– Ну, Черемыш, поздравляю! Брат благополучно сел на Чукотке. У него было повреждение радиостанции. Теперь с ним связались. Все в порядке. Новый рекорд!

- Что! Я ведь говорила! – закричала Аня и повисла на шее у Евдокии Власьевны.
- А я нет? – забасил Плинтус. – Я говорил, сквозь атмосферу не слышно...

И все в классе зааплодировали, закричали «ура» и стали хлопать друг друга по спинам, а Плинтус, надув свои румяные щеки, бил по ним, как по барабану. Евдокия Власьевна смеялась со всеми и затыгивала на затылке узел волос.

А Гешка вдруг схватился руками за щеки и выбежал из класса в коридор.

Евдокия Власьевна нашла его через несколько минут в углу коридора, у окна. Он облокотился на подоконник и стоял, приплюснув нос к холодному стеклу.

– Ну, успокойся, Черемыш, – сказала Евдокия Власьевна, – чего уж сейчас-то... – И положила руку на его стриженую макушку. – Ведь все уже прошло, все уже в порядке. И прочее соответственно... как говорят летчики.

Так чего же ты?

Кандидат

В те дни по всей стране начали готовиться к выборам в Верховный Совет СССР. Страницы газет заполнились именами и портретами кандидатов. Здесь были уже давно прославленные, большие люди страны. Встречались и новые, еще малоизвестные. Но в своих краях они были знамениты, и народ призывал доверить им дело и власть.

Раз утром Аня Баратова принесла в класс районную газету и разложила ее на парте у Гешки. И толстый Плинтус басовито и торжественно прочел, что колхозники села Холодаева выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета от Северянского округа своего знатного земляка, Героя Советского Союза Климентия Черемыша. И с этого дня на предвыборных собраниях и митингах в городе Северянске не стихали овации в честь героя. Северянцы единодушно призывали отдать звание своего представителя в Верховном Совете отважному летчику.

– Ну, – говорил Гешке директор Кирилл Степанович, озабоченный и вечно спешащий на свой участок, – смотри, брат героя, не подкачай теперь. Я председатель избирательной комиссии. В члены правительства братца выбирать будем. Чувствуешь, почет какой? Так ты, Черемыш, уж не подведи. Как хочешь, а должен теперь на круглых «отлично» идти, иначе нельзя. Не мыслю просто иначе... А то всю ты мне работу подорвешь. Брат героя-кандидата должен быть отличником. Это само собой напрашивается. Так-то, ничего не поделаешь! Государственное дело. Держись, Черемыш Геннадий, держись, брат героя!

А ребята тревожились, как бы вдруг другой какой-нибудь округ не перехватил героя. И приставали к Гешке, чтобы он написал брату письмо в Москву и упросил его: пусть дает согласие баллотироваться от Северянского округа.

– Напиши, Геша... Три кино есть, лесопилка электрическая, тротуар диабазовый... В горсаде летом фонтан выше крыши брызгает. По сплаву сто двадцать четыре процента выполнено. И по хоккею, не забудь, первое место во всем крае. Ты уж окажи нам знакомство.

Гешка обещал непременно написать об этом. И вскоре стало известно, что Климентий Черемыш дал свое согласие баллотироваться в Северянском округе. А в письме, напечатанном в районной газете, герой-летчик благодарил за высокую честь и доверие. И он обещал гражданам Северянска, своим избирателям, что через месяц приедет самолично в Северянск.

Когда сообщили об этом Гешке Черемышу, заметили, что он как бы встревожился.

– Ты что же, Геша, не рад разве? – спросила Аня Баратова.

– Что значит – не рад? – сказал Гешка. – Странное дело, очень рад!

Но с этого дня стали примечать в нем какую-то перемену. Он сделался неряшлив, рассеян. На уроках он смотрел в окна, думал, видно, о чем-то другом, отвечал невпопад на вопросы преподавателя. Он стал теперь уединяться от товарищей, нагрубил ни с того ни с сего Ане, просил не соваться в его дела, когда Аня как староста хотела узнать, что с ним происходит. Потом он поссорился с Плинтусом и едва не подрался с ним на катке из-за ключа от коньков.

– Я не погляжу, чей ты там брат, а как дам вот, так живо у меня об лед загремишь! – напирал на него Плинтус.

Верный Коля Званцев еле разнял их.

Гешка даже и на хоккейные тренировки стал опаздывать; едва раздавался последний свисток вожатого-физкультурника, он тотчас отвинчивал коньки и, прихватив клюшку, уходил с катка. В классе он получил уже три «посредственно» и два «плохо». И когда Евдокия Власьевна попыталась переговорить с ним по душам, он надерзил ей и просил оставить его в покое. Он стал вялым, ничто его как будто уже не интересовало – ни школа, ни каток, ни предстоящий приезд брата. Чтобы как-нибудь его растормошить и подзадорить,

Евдокия Власьевна придумала вот что.

– Слушайте, девочки! Что у нас такое с Черемышем творится, в толк не возьму, – говорила учительница Ане и ее товаркам. – А ну-ка, примитесь за него...

– С ним просто невозможно, Евдокия Власьевна!..

– А вы попробуйте. Я бы на вашем месте знаете что сделала?..

Ане давно уже хотелось проучить зазнавшихся хоккеистов. И, зная, что Гешка гордится успехами своей команды, она, по совету Евдокии Власьевны, вызвала мальчиков на матч. Мальчики сперва подняли ее на смех:

– Вы! Пискающая команда!.. Соображаете, на кого замахнулись?

– Бойтесь, значит, – сказала Аня спокойно.

– Было бы чего бояться! – закричали хоккеисты. – Только писком вашим уши засорять!

– Пять минут визг – и команда вдрызг, кто куда! – захохотал Плинтус.

– А это мы еще посмотрим, кто запищит, – не унималась Аня. – Трусите просто.

– При чем тут «трусите»! – взъерепенились хоккеисты. – Просто возиться с вами никакой охоты нет. Вас чуть тронешь клюшкой, так вы жаловаться Евдокии Власьевне побежите.

Но Евдокия Власьевна, которая была в заговоре с девочками, добилась у директора разрешения устроить товарищеский матч с условием, что играть будут не более получаса, с перерывом, и что капитан Черемыш даст слово, что мальчики играть будут вежливо. Пришлось вызов принять.

Вызов принят

Расчет Ани Баратовой оказался верным. Гешка стал походить снова на прежнего Гешку. Вызов Ани Баратовой раззадорил его: «Думает, я уж вовсе конченный. Ладно, ладно...»

– Надо постараться будет... всыпать им штук пятнадцать с пылу, с жару, горячих, – говорил Гешка своим хоккеистам. – Кладу две минуты на гол...

И команда его усиленно готовилась к матчу. Девочки тоже неутомимо тренировались. Они собирались на маленьком прудике в городском саду, недалеко от кино. Возвращаясь с реки, мальчики нарочно заворачивали в городской сад и, пройдя к пруду, дразнили Аню Баратову и ее подруг. А Плинтус раздобыл раз на свалке дохлую курицу, бросил ее на лед под ноги хоккеисток, крича:

– Вам разве мячом играть! Вам дохлую курицу гонять надо, а вместо клюшек – веник. Хотите, принесу?

– Проходите, проходите! – кричала Аня. – Нечего вам тут подсматривать, как мы тренируемся!

– Увидим, из кого еще перья полетят, – звонким утиным голосом поддерживала ее маленькая вертлявая голкиперша Рита.

И девочки очень обидно визжали от хохота. А Плинтус затыкал уши пальцами и жмурился.

За два дня до матча стало известно, что завтра прибывает Климентий Черемыш. Городок приукрасился, чтобы встретить честь честью своего избранника. На каждом углу Гешка видел портреты своего брата. Брат в упор и лукаво смотрел на него сверху. Портреты парусили на ветру, и герой на полотнищах то хмурил брови, то улыбался братишке. В эти дни Гешка стал опять угрюмым и неразговорчивым. Он избегал товарищей, а на катке, когда болтливый Плинтус начинал вспоминать: «Вот здорово, Гешка! Значит, послезавтра брата увидишь опять...» – Гешка обрывал его:

– А ну, ребята, давай без посторонних разговоров! Тренироваться так тренироваться... А то девчата возьмут да и... Знаешь, как в книге написано: вода мягка, пока вы сильно об нее не ударитесь...

В школе он совсем отбил от рук. Домашних заданий не готовил. На уроках не

слушал, огорчая до слез Евдокию Власьевну. И в довершение всего нагрубил директору, когда тот отчитал Гешку за плохое поведение. Директор Кирилл Степанович пригрозил, что напишет письмо Климентию Черемышу. Пусть герой знает, какой брат у него растет. «Ну и пускай знает!» – не сдавался Гешка. Директор вспылал и действительно написал такое письмо, заклеил его в конверт и отдал Гешке.

– Вот, сам вручишь. А мне с тобой толковать, видно, нечего, – сказал директор.

Он был очень добрый и честный, но вспыльчивый человек, а Гешка его сильно рассердил. И, кроме того, Кирилл Степанович в эти дни очень занят работой на участке избирательной комиссии, голова и без того едва не лопалась от забот. И он не подозревал, что произойдет с письмом.

В школе тоже готовились к встрече героя. Решено было, что после уроков школьники вместе с гражданами Северянска пойдут к вокзалу. Поезд приходил в пять часов вечера.

Но в этот день Гешка исчез.

Он ушел рано утром из детского дома, захватив книжки, коньки и клюшку. Товарищам он сказал, что выходит пораньше, чтобы успеть зайти к Ане Варатовой и взять краски. Он обещал написать большую афишу о предстоящем матче. Но в школу он не явился. Не пришел он и ко второму уроку. Евдокия Власьевна несколько раз справлялась у дежурного по классу о Гешке. Она была очень встревожена. Директор ей сказал, что он вчера дал Гешке письмо для брата и тот, видно, испугался предстоящей встречи.

Евдокия Власьевна всплеснула руками:

– Ну как это можно! Ведь он так обожает брата... Ах, Кирилл Степанович, право, как это вы так! Ну вот видите, что получилось теперь. Надо же учитывать: у мальчика было очень тяжелое детство. Он уже из одного детдома бегал. Ну, вот теперь как быть? Брат приедет – спросит. Что мы скажем?...

В детдоме тоже все были переполошены исчезновением Гешки. Но о письме там никто не знал.

Встреча

Вокзал был украшен флагами, еловыми ветками.

«Привет нашему кандидату! – было написано на длинном красном полотнище, которым хлопал морозный ветер. – Да здравствует Климентий Черемыш, доблестный сын социалистической Родины и ее Красной Армии!»

Школьники подбежали к краю перрона и вглядывались в даль. Транзитный ветер дул мимо станции, вдоль путей. Внизу, на рельсах, попрыгивали воробьи.

Потом из-за водокачки показался поезд. Шумно отфыркивался заиндеветый паровоз. Воробьи вспорхнули, уступив ему место. Паровоз торжественно протрубил и не успел

замолкнуть, как его вступление подхватил оркестр. На перроне стало тесно.

Все закричали «ура» и захлопали. Школьники подпрыгивали, как воробьи, чтобы через головы разглядеть героя, и первыми заметили его, мелькнувшего за зеркальными стеклами.

– Вон он! Вон он!

И герой вышел из дверей вагона, веселый, белозубый, коренастый. Одной рукой, в меховой перчатке, он взялся за медные поручни, матовые от мороза, другой сделал под козырек. Ребята первым делом разглядели майорские нашивки на рукавах шинели. Их только огорчало, что герой не прилетел на самолете, а приехал, как все, поездом, словно пассажир просто... Лицо героя тоже сперва показалось слишком маленьким. На портретах оно было огромное. И орденов на летчике не было. Они, видно, скрывались под шинелью, на гимнастерке...

– Похож как на нашего Гешку! – сказал Плинтус, карабкаясь на фонарный столб, чтобы лучше разглядеть героя.

– Чем похож? – спрашивали ребята снизу.

– Ну так, вообще, сходство имеет, – отвечал сверху Плинтус, – ну вот нос, например, в точности...

– Совсем как у Гешки: посередке лица, – смеялись ребята.

Кто-то дернул Плинтуса за ногу, и он свалился со столба на снег.

– А Гешки самого нет и нет, – вздохнул Званцев.

Люди поднимались на легкую дощатую трибуну. Начались речи. Герой прикладывал руку к козырьку и с доброй, смущенной улыбкой слушал приветствия.

Ане Баратовой поручено было сказать приветственное слово от школьников Северянска. Она поднялась на трибуну, не чуя под собой ног, и чуть не споткнулась на ступеньке. Пар от дыхания поднимался со всех сторон. Сквозь него Аня видела раскрасневшиеся лица. Толстый Плинтус вдали одобритительно подмигивал ей.

– Дорогой товарищ Черемыш, – начала она, – мы, школьники Северянска, и все пионеры и вообще все ребята очень рады, что такой, как вы, являетесь герой...

Она говорила и чувствовала, что заглатывает слова, и морозный воздух жег ей горло. Она говорила и боялась, что летчик остановит ее и спросит: «Ну хорошо, а где же мой брат

Гешка?»

Но летчик ничего не спросил, не перебил Аню. Он выслушал ее речь до конца и сам попросил слова. И, когда все наконец уgomонились, он густым негромким голосом, слегка напирая на «о», сказал:

– Вот что, товарищи, родные мои земляки! Я ведь тут недалеко, в Холодаеве, родился. Вы это, товарищи, напрасно уж так меня восхваляете. Тут дело не во мне. Я же не сам по себе вот такой стал. Кому я обязан всем, товарищи? Партии я обязан. Это прежде всего. Коммунистической партии. И нашей Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Вот кто меня воспитал и создал. Понятно? И вам всем обязан, товарищи, тоже. Я так скажу, что все мы с вами, как говорится, одним миром мазаны, одной нашей великой семьи питомцы, все мы кругом друг другу здесь родня. Вон как ребятишки теперь говорят – друг дружкины мы. Вот как я полагаю.

Тайна раскрывается

Когда Аня вернулась домой, она, как всегда, заглянула в почтовый ящик на дверях, нет ли чего. Писем она ни от кого не получала. Но отцу присылали журнал из Москвы. На этот раз в ящике оказался маленький конверт, склеенный из обертки от тетради. Он был адресован ей, Ане Баратовой. Она узнала почерк Гешки: круглые большие буквы с толстым нажимом, как у брата.

«Аня, добрый день. Прошу, пожалуйста, тебя прийти сегодня вечером в 8 часов в горсад за каток, где летом музыка сидит. Есть очень важное скорое дело. Никому не говори. Я буду ждать. Не думай что-нибудь такое, я без глупистики. Но тебе я доверяю».

«Что еще такое, что за тайны такие?» – рассердилась Аня, или, вернее, подумала, что она очень сердита. А на самом деле обрадовалась, что Гешка нашелся. И, может быть, наконец, она узнает, почему Гешка так изменился за последнее время. Вероятно, тут есть что-нибудь. Она отпросилась из дома. Ей пришлось сказать, что она идет по делу в школу.

Было морозно. Месяц скользил между облаками, серебряный, острый, словно конек. Зернистый блеск роился в воздухе. И даже в черных тенях на снегу что-то искрилось, как антрацит.

В городском саду, занесенном снегом, было пустынно и жутко. С сухих веток опали длинные, ломающиеся в воздухе бархатки инея. Елки протянули обремененные снегом ветви. Казалось, многолапые белые медведи встали вокруг на дыбы. Далеко с речки, с катка, доносилась музыка, а здесь, в аллее, никого не было и стояла та особая, ватная тишина, которая бывает зимой в лесу.

– Баратова! – услышала Аня и обернулась, вздрогнув. – Это я.

– Ну, что еще за новости? Куда ты делся? – накинулась она на Гешку. – Там все в детдоме и в школе с ума посходили, ищут тебя. Что это еще за тайны такие? Просто глупость!

– Если глупость, так чего же ты пришла?

– Уж не твое дело, почему пришла! Развел секреты, а теперь мерзни тут! Ну, что у тебя такое?

Аня нарочно говорила так сердито, чтобы скрыть неловкость и любопытство. Ей не хотелось, чтобы Гешка вообразил что-нибудь. Написал, мол, письмо, а она сразу и прибежала.

– Ты не думай, пожалуйста, Черемыш, что я очень о о тебе беспокоюсь, – поспешила добавить она. – Я просто так, как староста, то уж обязана...

– И я тебе так, как старосте, хочу сказать. Только ты не смейся, – сказал тихо Гешка. – Ты знаешь, Баратова... только ты, чур, никому не говори. У меня такой номер, что я уж и сам не знаю... Дашь слово?

– Ну, даю.
– Нет... Ты смеяться будешь, я знаю.
– Ничего смешного пока нет. Ну тебя!..
– Дай самое честное, и уж не болтать давай только, раз условились. Я тебе одной скажу. Не проговоришься, Баратова? Смотри!
– Если не веришь, так зачем писал? Удивляюсь!
– Ну ладно! – Он вздохнул. – Вот, Аня, я, знаешь, Аня... Ты только смеяться будешь. Я ведь вовсе не брат ему.
– Кому не брат?
– Ну, ясно кому – Черемышу Климентию.
– Как не брат?! – ахнула Аня. – А кто же?
– Ну просто одноимёнец. Мы с ним только по фамилии тезки. Я тоже из того села Холодаева. У нас там полсела, и все Черемыш. Даже улицы есть: Малая Черемышская, Большая Черемышская, Средняя... Мы с ним, понимаешь, только по фамилии тезки, а никакой я ему вовсе не брат. Я его и не видал сроду. Ну просто, понимаешь, я это себе выдумал. Такое воображение сделал. Наши все померли давно, а я один остался, как дурак. И сестра тогда потерялась куда-то. Сперва в детдоме был, потом так мотался. Вот я себе и выдумал. Смешно, конечно... Прочел в газетах, что есть такой легчик... Черемыш. Смелый. И портрет был. А я и подумал: вот бы был у меня в жизни такой брат... И я б не такой был. И стал так воображать каждый день. Даже привык: как будто вроде и на самом деле есть такой брат... Я знаю... тебе смешно, наверно?...

Но Аня не смеялась.

– А письма как же? – ужаснулась она. – Письма тоже сам?...

– Письма – это правда... Это мне сестра из Москвы присылает. Ей тоже фамилия Черемыш. Клавдия. Сестра.

Галка села на дерево, тряхнула ветку, и на них посыпался сверху бертолетовый порошок инея. Аня вздрогнула:

– Как же это, Гешка?... Ну-ну, и бессовестный же ты все-таки... Надо ведь так врать! А мы-то все думали... Фу!..

– Нет, ты слушай... Ведь это почему я так? Для уваженья, может, думаешь? Нет же! Честное слово... Для себя просто... Вот я и подтягивался, и дисциплину, понимаешь, стал себе развивать, и по ученью тоже старался, чтобы не подводить брата. Ну, не брата то есть, а вот этого... Смешно, конечно... Он сперва, Аня, был не такой уж всем известный, а потом вот как пошел, как принялся ордена отхватывать... И все его стали знать. Мне даже нелегко стало. Все говорят: «Ах, вы брат того, брат Черемыша!» А отпираться уже не могу. Да и неохота. У меня это прямо главное было во всей жизни. Только знаешь, когда мне вот очень неловко было? Это когда, помнишь, во время перелета, когда брат пропал... Ну, не брат то есть... Ясно кто. И все в классе ко мне так отнеслись тогда. Мне вдруг до того совестно стало – очень все по-настоящему переживали. Ты не думай, я тоже тогда взаправду

волновался. Еще как! Я ведь как-никак уже привык, третий год братом себя воображаю...

Аня слушала Гешку и с трудом уясняла себе, что произошло. Как это можно изо дня в день, из года в год играть в такую странную и трудную игру!

Мечта о старшем брате!.. Она возникла у Гешки давно, когда он был еще беспризорником. Это была мечта высокая, ослепительная и дальнзоркая, – мечта, как маяк. Она помогала Гешке в жизни, направляла. В самые черные дни Гешкиной жизни светил ему образ славного, бесстрашного человека, коммуниста, летчика. Ведь есть такие люди на свете, и разве виноват Гешка, что он не состоит в кровном родстве с ними? А теперь...

– Как же теперь быть? – растерялась Аня.

– Я и сам не знаю, – сказал Гешка. – Мне еще Кирилл Степанович записку ему велел передать о моей неуспеваемости и насчет недисциплинированности. Вот я попал, Аня... Я лучше уеду куда-нибудь, все равно мне уже тут нельзя... Ребята засмеют на всю жизнь. Ни пройти, ни проехать... Приходится мне «фортнаус» отсюда...

– Слушай, Геша, – заявила Аня, – чепуха это все! Куда ты уйдешь?! Опять беспризорничать будешь, что ли? Просто стыдно это слушать. Видно, тебя геройское твое это братство ровно ничему не научило, вот и все, если ты так говоришь! А по-моему, надо пойти сейчас в гостиницу прямо к товарищу Черемышу и все ему рассказать, как есть. Я почему-то уверена, что он не рассердится.

– Ну, а дальше что будет?

– Там уж видно, что будет, – сказала Аня. – Или лучше вот что, погоди. Давай сперва я пойду, подготовлю, а потом уже ты пойдешь тоже, ну и все объяснишь в подробности.

– Сама ему все расскажешь?! – изумился Гешка, с уважением взглядываясь в решительное лицо девочки.

– Вот так сама пойду и скажу. А чего?! Он меня знает. Я его видела и даже приветствовала на вокзале. Он такой веселый, он поймет. А ты меня подожди здесь, я быстренько...

Свои и посторонние

– Да, пожалуйста, войдите! – сказал Климентий Черемыш, услышав осторожный стук в дверь. – Милости прошу.

Климентий уже привык к тому, что его никогда не оставляют в покое. Стоило ему лишь в Ленинграде, Воронеже, Одессе, Тбилиси, Владивостоке, Минске, Архангельске внести свой чемодан в номер гостиницы, как сейчас же начинал звонить телефон, раздавались разные тонкие и толстые стуки в дверь. Незнакомые люди, почтительно робея, звонили, входили, приглашали к себе на завод, в школу, в институт, в учреждение, просили автографов, советов, читали стихи, расспрашивали и восторгались. Климентий привык к этой шумихе и относился к ней с добродушной иронией и с терпеливой мягкостью, уделяя время каждому.

– Милости прошу, – повторил летчик, но никто не вошел. – Там отперто! – крикнул Климентий.

У дверей поцарапались, но опять никто не явился. Посетитель, видимо, не мог справиться с ручкой двери. Черемыш встал с дивана и пошел открывать. За дверью оказалась девочка в меховой шапочке, из-под которой, словно наушники, с обоих боков вылезали свернутые кольцом косы.

– Пожалуйста, пожалуйста! – приветствовал ее Черемыш. – Где это я вас видел? А, вспомнил, вспомнил! Это вы меня на вокзале приветствовали? Как же, как же, старые знакомые! Здорово говорили! Ну, присаживайтесь. Что скажете?

Затрезвонил телефон на столе.

– Да, – сказал в трубку летчик, – я Черемыш. Ну, приходите. Только поскорее, а то мне скоро ехать на заседание горсовета, выступить.

И он взглянул на часы-браслет, надетые, как у всех летчиков, на внутренней стороне

руки, над ладонью (чтоб можно было видеть часы, не снимая руки со штурвала управления).

А у Ани тем временем исчезла вся ее храбрость.

Удивительное дело: еще пять минут назад все казалось таким легким. Прийти и сказать: «Товарищ Черемыш, у нас в школе один мальчик играл в то, что вы его брат. А он вовсе не брат. Вот он теперь мучается и боится вам сказать...»

Но теперь, когда Аня осталась с глазу на глаз с этим знакомым всей стране человеком, который, поблескивая орденами, мягко ступал по ковру высокими белыми бурками, отвернутыми у колен, – теперь она вдруг растеряла все слова. Ну как тут сказать? А вдруг он рассердится и скажет: «Что вы мне всякими глупостями голову морочите! Я приехал по государственному делу, а тут какой-то хулиган-мальчишка в игрушки играет, в братья мне навязывается...»

– Ну, как вас величать? – спросил летчик.

– Баратова Аня.

– Ну, что скажете, Баратова Аня? Аня набрала в грудь побольше воздуха, проглотила волнение и решила: – Видите, у нас, то есть... у вас есть брат, у нас...

– Это что такое: у нас, у вас? – засмеялся Климентий.

В дверь постучали. Вошла старуха, вся так и расплывающаяся от умиления. Она высвободила одно ухо из-под платка и так, двигаясь боком, ухом вперед, засеменила к летчику, протянув ему издали руку с плоской ладонью и выпрямленными, напряженными, плотно сжатыми пальцами.

– Ты прости меня, старую, что покоя тебе, верно, не даю, – заговорила она. – Очень уж меня интерес взял посмотреть... Как же, все про тебя в газетах читаем. Очень ты прекрасно летаешь.

Летчик тщетно пытался усадить тараторившую бабку, подсовывал ей кресло. Но старуха не садилась, увертывалась от кресла и все ходила вокруг, все всплескивала руками и радостно причитала:

– Вот, зашла поглядеть на тебя. Варешки тебе сама связала. Я же тебя еще вот какесеньким знала. Помнишь тетку Петровну? Это ведь я.

– Не помню что-то, – сказал летчик.

– Как же не помнишь, обиделась старуха, – как же не помнишь? А у деда Евстигнея кто на пасеке жил? Я еще тебе вот этенького петушка-то принесла, гостинчик. А-а, запомнил? Где же тебе, конечно, всех нас упомянуть!

– Я, бабушка, никогда и на пасеке не жил и никакого деда Евстигнея не знаю. Это ты, мать, чего-то обозналась.

– Ой ли! – сказала старуха. – Ты ведь родом-то из Городилова?

– Нет, я из Холодаева.

– А летает который, в газете снятый, это откуда? Из Холодаева?

– Это я летаю, мать. Холодаевские мы.

– Обозналась, значит. А я ведь думала – из Городилова, там тоже Черемыши жили. Ах,

дура, дура!.. Ну, ничего, ничего, – успокоила она себя, – а то и не повидала бы. Разве посмела бы идти-то! А мне уж так была охота хоть глазком одним взглянуть, какой такой есть герой всего Союза Климентий Черемыш-то. Ну, теперь посмотрела – знаю, за кого голос стану подавать. Это ничего, что из Холодаева, а не из Городилова. Все одно наш. И варежки возьми. На, на! А то, чай, холодно наверху. Споднизу-то поддувает.

Она ушла, бормоча ласково, крутя головой, разводя руками.

– Вот у нас один мальчик тоже... – начала взбодрившаяся Аня.

Но тут снова зазвонил телефон, а когда летчик кончил говорить, в дверь опять постучали.

Пришел какой-то молодой изобретатель и долго и утомительно рассказывал о своем изобретении, которое должно, как он уверял, перевернуть в авиации все вверх дном...

– Зачем же все так сразу вверх тормашками? – сказал Черемыш, внимательно выслушав его, и посоветовал изобретателю сперва как следует по-учиться, а потом уже начать изобретать.

Приехали молодые железнодорожники, просто так, чтобы пожать руку летчику и сказать, что они на земле тоже постараются не отстать... После их ухода Аня увидела, что теперь сказать самое подходящее время. Но едва она раскрыла рот, как опять раздался стук, и пришел старенький доктор, собиратель автографов и изречений великих людей. Он без устали сыпал именами философов, ученых, приводя их высказывания по всякому поводу.

– Ламартин говорил, что конь-пьедестал героя. А в наше время пьедестал героя – аэроплан! – восклицал доктор.

Он попросил подпись-автограф в альбом. Черемыш расписался.

Доктор уже собирался уходить, как вдруг снял опять шляпу, подошел к летчику и, просительно глядя снизу, сказал:

– А как здоровье у вас? Ничего? Сложение, я вижу, отличное! А вот как сердечная деятельность? Вероятно, и подумать об этом вам некогда. Вы извините старика, но я, знаете, привык по-своему, по-врачебному, так сказать, профессионально подходить. Разрешите ваш пульс. Нет-нет, пожалуйста уж! Вы меня не обижайте. Да и права не имеете. Избиратель должен знать своего кандидата насквозь. Ваше здоровье и сердце ваше, сами знаете, – народное достояние. Позвольте и мне участвовать в его сохранении. Тэк-с, пульс отличный, с прекрасным наполнением.

Прежде чем летчик успел возразить что-либо, старик вынул из кармана резиновые трубки с костяными наконечниками – стетоскоп, – приложил какую-то металлическую штучку к груди летчика, под самые ордена.

Потом в один миг умелыми быстрыми пальцами расстегнул у героя гимнастерку, оттянул ворот ее, просунул туда свой аппаратик.

– Дышите, – приказал доктор.

– Да оставьте вы, доктор, в самом деле! – отбивался летчик. – Ой, я щекотки боюсь!.. И я совершенно здоров!

– Все здоровы до поры до времени. Прошу не мешать мне. Тихо. Дышите.

Летчик смиренно задышал. Выпуклая грудь его заходила ходуном.

– Так. Не дышите. Прекрасно, прекрасно! Так. Позвольте, а что это у вас тут глухой хрип, в верхушке?

– Это у меня ранение было, – ответил летчик. – Вот видите, ранение... Не бережете вы себя, молодежь! Преступление! А как сказал Гораций: непродолжительность жизни мешает нам иметь продолжительную надежду... А вы обязаны беречь себя, я от вас как врач и как гражданин, как избиратель прямо-таки требую: пожалуйста, берегите себя, товарищ Черемыш. И прошу вас обратиться к специалисту, мне не нравится – вот у вас тупой шум, хрипота на месте бывшего ранения. Обязательно обратитесь. Обещаете? Примите это как наказ. Иначе, я предупреждаю, я не буду за вас голосовать.

Распроставшись, поблагодарив героя за автограф-подпись, он в дверях снова остановился:

– Да, чуть было не запамятовал... Еще попрошу вас обратить внимание на тротуары в нашем городе. Вот тут, на горе... Горсовет не обращает достаточного внимания. И в результате был случай перелома конечностей. Так вот, мой наказ – исправьте.

– Слушаюсь! – отвечал летчик и, подойдя к столу, что-то записал на бумаге, лежавшей возле телефона.

Когда чудак-доктор ушел, Аня уже имела в голове совершенно готовое начало длинного и толкового объяснения насчет Гешки. Она все продумала. Но едва она начала, как дверь раскрылась, и, пытая от волнения, вошел толстый Плинтус. «Вот еще не хватало!» Плинтус тоже никак не ожидал встретить здесь Аню. Он комкал в руках тетрадку. Толстые щеки его стали краснее обычного.

– Пожалуйста, пожалуйста! – сказал летчик. – Вы не знакомы?

– 3-3-знакомы, – вытянул из себя Плинтус.

– Присаживайтесь. Это у вас что за тетрабочка?

Плинтус, видимо, не собирался показывать содержимое тетрадки Ане Баратовой. Но и Аня не могла сказать при нем, чего ради она пришла. Они сердито смотрели друг на друга.

– Это так... задачки тут, – забормотал Плинтус.

– А ну, интересно, – сказал летчик, взяв тетрадь у растерявшегося Плинтуса, – я любитель задачки решать. Пойдите-ка! Тут не то. Тут стихи какие-то.

Плинтус пылал.

– Это... это, наверно, по русскому языку тетрадка... Не ту захватил.

– А чьи же это тут стихи? – допытывался летчик.

– Там, кажется, Лермонтова, – вздохнул Плинтус.

– Ну, вряд ли Лермонтов мог про авиацию сочинять. Это вы на Михаила Юрьевича зря наговариваете. Да и мягкий знак в слове «летишь» Лермонтов, сколько мне помнится, ставил. А? Как по-вашему?

Внизу у подъезда загудел автомобиль.

– Ну, – сказал летчик, – извините, ребята, мне надо отправляться. Вы мне ничего не хотите сказать?

– Товарищ Черемыш, – провозгласила торжественным голосом, как на трибуне, Аня Баратова, – товарищ Черемыш, мы приглашаем вас завтра на хоккейный матч, начало в три часа дня. Приходите обязательно. Мы наших мальчишек вызвали. Вот их.

И она мотнула головой в сторону Плинтуса. Плинтус глупо улыбался.

На исадах

Замерзший Гешка топтался на пустой аллее в городском саду. У входа в сад в кинотеатре начался сеанс, и рупор, выставленный на улицу, послал в морозную темноту слова, звучавшие в тот момент с экрана.

В эту минуту Аня тронула его за плечо.

– Ну?! – спросил Гешка, весь подавшись к Ане, схватив ее за руку. – Ну, что он сказал? – Ничего он не сказал, – вздохнула Аня. – Я не могла... Все народ был. Ты не сердись, Гешка... Я, знаешь, стусевалась как-то, да тут еще Плинтус, дурак, подвернулся. Явился, толстый, сопит, в руках тетрадка какая-то. Как же я при нем?

– Эх, ты! А говорила: «Скажу, скажу... Раз-два – и все улажу»... Прощай! – И он, повернувшись, быстро зашагал по аллее.

– Гешка, – крикнула Аня с последней надеждой, – а как же матч завтра? Мы же твоих мальчишек без тебя завтра так наколотим! Неужели команду бросишь? Я никому не скажу, Геша!..

Но Гешка не отвечал и через минуту скрылся в темноте.

«Да, история вышла скверная, – думал Гешка, бредя по занесенным улицам Северянска. – Очень паршиво получилось. Явиться завтра на матч – это значит признаться во всем. Выходит, нельзя. А не прийти – тоже позор: хорош капитан, бросил свою команду в день такого матча! Да и девочки не так уж плохо играют. Такие здоровенные тети, набьют по первое число. Ведь это просто срам на всю жизнь. Вот положение! И так и так плохо...»

Он спустился к речке. Там на катке играла музыка. Фонари освещали подметенный лед. В середине катка по гладкому льду неслись по кругу катающиеся. Тени сбегали с круга. Казалось, что весь каток вращается, мерно отсвечивая и шурша под сталью коньков. Кружится, как огромная, пущенная на полный завод граммофонная пластинка.

Гешка спустился к исадам. Здесь жил старый рыбак-бакенщик, знакомый Гешки. Зимой бакенщик был караульщиком при катке, и Гешка с ним давно сдружился. Он пробрался между опрокинутыми, примерзшими к берегу лодками, заржавевшими якорями, лапы которых вросли в лед, постучался в сторожку рыбных исад.

Сторожка стояла на наклонном плоту. Осенью была убыль воды, и плот остался стоять на крутой прибрежной отмели. В сторожке все стояло боком, косо, привалившись на одну сторону. Посуда съезжала со стола. Табурет норовил уткнуться в угол. Но сторож-бобыль привык к этому. Так и жил всю зиму скособочившись.

– Здравствуй, дедушка! Я у тебя переночую. Можно? – сказал Гешка деду. – Только ты смотри ребятам не говори. У меня завтра одно дело есть на катке. Ведь мы завтра играем.

Дед лукаво погрозил Гешке согнутым пальцем: – Чего это ты удумал? Гляди!

Попили чайку из жестяного чайника. Дед-караульщик, громко втягивая с блюдечка горячий настой далеко вперед выпяченными губами, утирая кулаком мокрые усы, ворчал:

– Э-э-э, не умеете вы, молодые нынешние, чай пить как следует! Что ты как про себя пьешь-то? Ты пей с потягом, чтобы слышать было. А то с тобой чай пить в компании – никакой радости.

Поговорили о морозе: ничего, бывает лютей.

Гешка отогрелся у печурки и прикорнул было на покато топчане, но сразу сполз по наклону в угол.

– Слушай, дедушка, – спросил он вдруг, – а ты б хотел, чтоб у тебя брат жил?

– А на кой он мне! – Караульщик отмахнулся. – Что толку-то – брат? Я за своего-то старшего и в рекруты ходил. А он мои сапоги новые пропил в тысячу девятьсот десятом годе. Брат, а делиться стали – он себе все позабирал... От братьев только разор был да свара... Ну, ты спи. А я пошел с колотушкой. Выходить время.

Он надевал тулуп, кряхтел:

– Эх, жизнь караульная!.. Летом огни на речке ставь, зима подойдет – ходи знай, мерзни, ночь на минутки отстукивай...

Матч

Играла музыка, и в светлом морозном небе, припушенные инеем, вились праздничные флаги. Весь берег был занят зрителями. Школьники и много взрослых граждан пришли посмотреть на матч.

Вдруг затукали варежки, люди зааплодировали, затопали валенками, и Гешка, сидя в своем прикрытии на вышке исад, понял, что на каток приехал почетный гость – Климентий Черемыш. Сам заядлый любитель спорта и убежденный физкультурник, он не преминул воспользоваться приглашением школьников. Не хотелось обижать ребят. Да и матч был удивительный: девчата вызвали на борьбу мальчиков-хоккеистов. Как ни был занят в этот день Климентий, все же он приехал на каток.

Утром он успел пробежаться на лыжах – жаль было терять такое чудесное утро, ясное, с добрым и прозрачным морозцем.

– Эх, денек богатый! – радовался Климентий. – Морозец, как звон, стоит. Что за красота! Охотничий денек, летный. Ах, хорошо в нашем краю, товарищи!..

Гешка твердо решил ночью, что утром он покинет город. Но в кособокой сторожке было так тепло... Гешку разморило, и он проспал. А когда услышал музыку, и треск хлопающих флагов, и шорох коньков на словно запотевшем матовом льду, он уже не в силах был уйти. Хоть издали, да посмотреть на матч!

Уйти, уехать и не знать, кто победил? Нет, это было выше его сил. Правда, он знал, что девочек ожидает полный разгром. Но все же ему хотелось самому насладиться зрелищем этого торжества. С вышки исад ему прекрасно был виден весь каток, ледовое поле, отмеченное четырьмя угловыми флагами и невысокими дощатыми бортиками. И Гешка решил, что сперва посмотрит матч, а потом уже уйдет на вокзал, и прощай, Северянок!

Гешка видел: команды двумя яркими летучими вереницами неслись на середину катка. На девочках были клетчатые шаровары, черно-белые чулки и белые свитеры с большим красным ромбом на груди. У мальчиков были тоже полосатые чулки, черные с красным, серые бриджи и красные фуфайки.

Чиркая коньками лед, команды разъехались, потом снова стянулись, стали скобками одна против другой. Гешка видел, как вышла вперед Аня Баратова и навстречу ей выехал из рядов его команды толстый Плинтус. Так вот кому поручили быть капитаном вместо Гешки!.. Гешка почувствовал досаду: «Ну ладно, посмотрим, как они без меня». И в эту минуту ему хотелось, чтобы девочки выиграли.

Плинтус пожал руку Ане Баратовой. Судья подъехал к ним, высокий, в черных рейтузах и голубой фуфайке. Положил руки им на плечи, и все трое, сблизив головы, о чем-то пошушукались. Так полагалось. Судья и капитаны команд договаривались, что игра будет вестись честно, строго, правильно и по-товарищески.

Потом судья подбросил щепочку, на которую предварительно поплевал. Это был жребий – кому начинать. Аня Баратова высоко подняла руку с клюшкой.

Начинать выпало девочкам.

Команды заняли свои места. Решка слышал свисток судьи, и тотчас белые свитеры и красные фуфайки ринулись навстречу друг другу, и красный ряд прошел сквозь белый, и красные переплелись с белыми, как переплетаются пальцы сложенных рук.

Мяч оказался где-то в середине между играющими, и лед заверещал, завизжал под коньками стопоривших хоккеистов.

Толстый Плинтус побежал вперед, подгоняя клюшкой мяч.

Девочки бросились на него, стараясь отвести своими клюшками мяч в сторону. Но Плинтус, как слон сквозь чащу, продирался к воротам, где, сразу запыхавшись и подпрыгивая от нетерпенья, металась курносая вертлявая Рита.

Она с ужасом всматривалась в огромного Плинтуса и, стуча клюшкой об лед, заклинала подруг не подпускать к ней эту опасность – багровощекую, пыхтящую, огромными скачками приближающуюся к воротам. Но в этот миг подоспевшая откуда-то сбоку Аня настигла Плинтуса и выбила у него из-под ног мяч.

Огромный Плинтус от неожиданности с полного хода шлепнулся плашмя на лед и, растопырившись, как огромная черепаха, с разгона въехал на животе в ворота. Оттуда его выкатили руками визжащая голкиперша – она не могла допустить, чтобы во вверенные ей ворота пробрался чужак, хотя бы и без мяча, Гешка едва не заплодировал, видя какой конфуз приключился с Плинтусом.

– Чисто, – сказал Климентий Черемыш.

Евдокия Власьевна стояла неподалеку. Исчезновение Гешки не давало ей покоя. Она осунулась за один день. Она не могла понять, как это до сих пор летчик не спросил ничего о своем братишке. Со страхом ждала она этой минуты и представляла заранее, что скажет летчик по поводу записки, которую послал директор с мальчиком.

А герой, видимо, был так увлечен игрой, что забыл о брате и ни словом до сих пор не обмолвился о нем. Евдокию Власьевну это начинало уже возмущать.

Поражение

Тем временем игра разгоралась все жарче и жарче.

После неудачного нападения Плинтуса мальчики еще несколько раз пытались атаковать ворота противниц, но белые свитеры действовали очень дружно. Правда, они слишком громко визжали и оглушали мальчиков. Да и судья, по мнению мальчиков, явно подыгрывал девочкам и не позволял Плинтусу пускать в ход его излюбленные приемы, которые упомянуты в специальном параграфе правил хоккея как запретные.

Что бы там ни было, прославленные хоккеисты ничего не могли сделать с этой цепкой, визжащей и сердитой стайкой, которая мигом слеталась к мячу, воинственно клюя его самодельными клюшками.

Гешка видел, что без него команде приходится туго. Он испытал при этом некоторое удовлетворение. Ему стало казаться вдруг, что его недостаточно ценили в команде. А вот теперь все могли убедиться, как без него плохо.

Внезапно Аня Баратова проскочила между двумя противниками и, легкими пологими рывками посылая вперед свою напористую фигурку, помчалась к воротам, где стоял голкипером Коля Званцев.

Аня бежала, скользила, неслась, приближалась. Одна ее коса размоталась и выпала из-под шапочки. Ее коньки высекали изо льда радужную пыль.

Черный комок мяча скользил перед Аней, подталкиваемый ее клюшкой. Наперерез ей мчались защитники, но она успела, развернувшись, нанести удар по мячу. Званцев упал, протянув короткую клюшку. Но мяч проскочил над ним и звонко ткнулся в проволочную сетку ворот.

Это был гол.

На берегу хлопали, смеялись и свистели.

Не прошло и двух минут, как Званцеву пришлось снова выгребать клюшкой из угла ворот второй залетевший в них мяч.

Тут мальчики растерялись. Они никак не ожидали такого афронта. Определенно, девочки играли на этот раз дружнее и напористее, чем они. Отсутствие Гешки, таинственное исчезновение его нарушило сразу всю налаженную систему игры. Неуклюжий Плинтус, разумеется, никак не мог заменить своим тяжелым и медлительным накатом на ворота ястребиный бросок Гешки. И команда почувствовала себя обреченной. К тому же зрители, особенно взрослые, так подбадривали девочек, так хлопали каждой удаче хоккеисток, что мальчикам стало просто-таки тошно играть. Но девочки были неумолимы. И вскоре Аня Баратова вбила третий мяч, под улюлюканье и хохот зрителей.

И самое обидное, что громче всех, пожалуй, хлопал и кричал Климентий Черемыш.

– Ай молодцы девчата! – кричал он. – Вот это работа! Это сажают чисто! А ну, бойцы, бойцы, подтянитесь, а то ведь это всему нашему мужскому роду просто срам! Честное слово.

Когда ребятам забили второй мяч, Гешка почувствовал внезапно, что настроение у него меняется. Вторым гол уже не доставил ему никакого удовольствия. Ему было обидно. Неужели его команда так слаба? Ему было противно, что девочки так легко выигрывают. Теперь проходу никому не дадут, задразнят. А Плинтус-то, Плинтус! Шурует, словно кочергой, своей клюшкой, а толку никакого.

«Ну куда, куда ведешь?!» – чуть не закричал Гешка.

Третий гол, забитый в ворота его команды, совсем уже расстроил Гешку.

Такого разгрома он никак не ожидал. Ведь это же сухая! 3:0. Что же дальше будет? Он видел, что у мальчиков лица стали растерянными, движения – беспомощными.

Они спотыкались, промахивались, толкали друг друга. Плинтус никуда не годился. Какой из него предводитель!

Команда разваливалась прямо на глазах. Это было совершенно невыносимое и жалкое зрелище. Куда девались удалы команды, блеск ее ударов, быстрота бега, ярость натиска? И Гешке стало ужасно жаль команду. Он чувствовал себя виноватым во всем. «Подлец я, подлец! – подумал он вдруг. – В такой момент своих бросил!»

По старой привычке, он сейчас же примерил свой поступок на рост «брата». Нет, уж никогда бы не бросил Климентий товарищей в беде! Ни за что в жизни не оставил бы он своих бойцов в тяжелую минуту! Не таковский!

Он бы поддержал товарищей, не думая о себе, чем бы это ему ни грозило. «Менять решение во время вынужденной посадки равносильно катастрофе, – вспомнил Гешка правило из авиаучебника. – Эх, все равно...»

Гешка посмотрел на коньки, привернутые к ботинкам. Связанные вместе с клюшкой, они лежали у его ног. А что, если...

Мяч выходит из игры

В тот момент, когда воротам мальчиков неминуемо грозил четвертый гол, зрители увидели, как с вышки исад, бухая коньками по ступенькам, соскочила какая-то фигура, перепрыгнула через бортик поля и бегом направилась к судье.

– Рефери, я играю! – услышали мальчики и обмерли.

– Гешка, здорово! Где ты был, Гешка?

Мальчик, заменявший на правом краю Гешку, беспрекословно отдал ему фуфайку, которую Гешка тут же надел через голову.

– Ребята, – уже прежним, капитанским голосом скомандовал Гешка, – пасуй на правый край! Хавы, закройте Баратову! Игра!

И началось...

Аня Баратова была так поражена неожиданным появлением Гешки, что не сразу смогла прийти в себя. Она с удивлением смотрела то на Гешку, то на зрителей, где высилась фигура летчика.

Все поглядывали на Климентия: узнал братишку или нет?

Но летчик оставался по-прежнему просто азартным зрителем.

Смущение предводительницы тотчас же передалось команде девочек.

А мальчики, воодушевленные присутствием своего капитана, оправились и грянули. И в команде Ани Баратовой началось смятение.

Через минуту маленькая голкиперша уже пролила первую слезу на чертом ворвавшийся в ее ворота мяч. Его самолично забил Гешка. За ним последовал второй мяч, опять посланный капитанской клюшкой. Вскоре, вероятно, влетел бы в ворота и третий. Но тут от неосторожного удара Плинтуса мяч перелетел через бортик поля и по гладкому прозрачному льду пронесся далеко к баржам, стоявшим на реке.

Игра оборвалась. И игроки завертелись на месте все разом, чтобы остановиться.

Аня Баратова, перепрыгнув через бортик, погналась за мячом. Мяч вылетел далеко за вешки, которыми были обставлены опасные участки льда. Со дна били там родники, и во льду образовались майны. Они были покрыты тонким льдом и незаметны. Но Аня, видимо, забыла про это. Она пронеслась мимо вешек и вдруг исчезла, как в люке, только легонько всплеснулась вода на том месте...

Первым добежал до полыньи Званцев, бывший ближе других к этому месту. Но Званцева тут же обогнал Гешка. Сбросив ботинки с коньками, он то ползком, то на четвереньках добрался до края.

Аня не кричала. Посиневшая, с удивленными и жалкими глазами, она пыталась удержаться за край льдины, вскарабкаться на нее. Лед обламывался, как яичная скорлупа. Аня скользила, царапала до крови руки об острые края, беспомощно водила клюшкой по гладкой поверхности. Гешка слышал за собой крики бегущих. Но ему некогда было оглянуться.

– Сейчас, сейчас, Аня... Я сейчас... погоди! – выкрикивал он.

Он протянул Ане свою клюшку. Она ухватилась за нее. Гешка тянул что есть силы, но Аня барахталась в черной дымящейся воде.

Гешка подполз ближе, и вдруг что-то треснуло под ним. Лед стал наклонно, как пол в сторожке. И жгучий холод залил Гешку с головой.

– Спокойно! Все на месте! – кричал Климентий Черемыш, оказавшийся впереди других. Он крепко сжал плечо бросившейся за ним Евдокии Власьевны. – Вы, виноват, стоп! Давайте сюда лыжи. Быстро – веревки!..

В руках летчика уже был бортик от хоккейного поля. Он сунул его вперед, и длинная доска, скользнув по льду, перекрыла полынью, упершись концом в другой край.

Потом летчик лег плашмя на скрещенные лыжи и, действуя руками, словно тюлень лапами, мигом подполз к губельному месту. Лыжи не давали ему провалиться. Аня Баратова в это мгновение уже схватилась руками за нависшую над полыньей доску. Но Гешка, выбиваясь из сил, барахтался среди мелких осколков и льдинок. Под его руками они вставали ребром и погружались в воду. Дотянуться до доски Гешка не мог. Он окоченел... Ему сводило руки.

Летчик мигом добрался до пролома и вытянул на лед Аню. Ее сейчас же оттащили от опасного места и подхватили на руки подоспевшие люди. Но в эту минуту Гешка, уставший от борьбы с быстрым течением, начал слабеть и погружаться. Зеленые скобки поплыли у него в глазах, размыкаясь и сходясь, как клещи... Потом огненным курсивом промчались слова из учебника: «Перегруженный самолет подобен утопающему, который старается держать голову над водой...»

И дальше Гешка забыл все...

Держась одной рукой за лежавшую поперек пролома доску, летчик не задумываясь прыгнул в ледяную воду, окунулся и свободной рукой успел схватить за ворот мальчика. Подтянувшись на одной руке, он выволок Гешку из воды на лед. Он тотчас укутал мальчика в шинель, которую сбросил еще прежде на бегу, отряхнулся и понес Гешку к берегу. Гимнастерка его обмерзла и хрустела, как накрахмаленная.

Люди срывали с себя шубы, накидывали их на плечи летчика. А он отфыркивался, отдувался и успокаивал всех:

– Ничего, ничего, мне это не впервой. И вообще я привык ежедневно ледяной водой... У Колгуева раз почище было... Давайте скорее в машину!

Расправив борта шинели, с головой укрывшей Гешку, он заглянул внутрь, как в отдушину.

– Ну, как ты там? Ничего? Живой?

– Н... н... нннчего, ж... ж... жив-в-вой, – стучал зубами в глубине шинели Гешка.

– Есть ничего, живой! – воскликнул летчик.

Братишка

Аню отвезли домой, где мать, плача и всплескивая руками, тотчас уложила ее в теплую постель, прикрыла тридевятью одеялами, напоила малиной, обложила грелками.

А Гешку летчик отвез к себе в номер, так как гостиница была недалеко от берега – ближе, чем больница и детдом.

Когда в номер явился доктор, Гешка уже лежал на кровати, докрасна растертый, одетый в теплое, просторное вязаное белье летчика – «специально арктическое», как сказал Климентий. Кожа на всем теле горела после немилосердных растираний. Горячие бутылки жгли Гешке пятки и бок.

– Терпи, терпи! – говорил Климентий.

Летчик, в теплой фланелевой пижаме, хвативший спирту, едва разбавленного водой, побрякивая, шагал по комнате, шлепая огромными мохнатыми туфлями. Доктор велел Гешке вылежать денек и ушел.

– Ну как, ничего, обсох? – спрашивал летчик, подходя к кровати.

Гешка блаженно морщил нос. Должно быть, улыбался там, под теплым одеялом, укрытый до самого носа.

– А отыгаться все-таки не успел, – поддразнивал его летчик. – Три – два в пользу

девчат осталось. Ну, не горюй! В другой раз три забьешь, как окончательно обсохнешь. А сейчас – спать!

Летчик задернул полог. А Гешка опять забеспокоился.

«Вот как скажут ему, как я про него всем врал и братом воображал, так он живо меня отсюда и фьюить!.. – мучился Гешка. – Нет, лучше потом сам скажу... Только немножко после».

Вскоре в номер принесли высушенные вещи Гешки и учебники, забытые им у исад. Но Гешка уже спал.

Когда он проснулся наутро, летчик был совершенно одет, при орденах и даже в фуражке. Он, видимо, собирался уезжать.

Под окном то громче, то тише урчал прогреваемый мотор автомобиля.

Климентий Черемыш сидел за столом, что-то читал, пожимая плечами и сдвигая фуражку на затылок. По широкому выразительному лицу его гуляла гримаса веселого недоумения. Он смешно таращил глаза, надувал щеки и делал губами «пуф-пыф».

Гешка проснулся с твердым намерением сразу же все рассказать летчику. Он не мог больше скрывать. «Он меня спас, а я от него секрет держу, да еще про него самого! Узнал бы, так не спасал, наверно...» – мучился Гешка.

– А, проснулся, утопленник, шука подледная! – закричал летчик.

Широко шагая, он подошел к постели и встал, упершись руками в бока и покачиваясь с каблука на носок.

– Слушай, это твой тут задачник принесли? Я, брат, ничего не понимаю! Тут вместе с ним письмо принесли. В задачник вложено. Адресовано мне. Вот видишь: «Герою Советского Союза Климентию Черемышу». Я, значит, взял его, распечатал, а там какая-то ерунда. Вот смотри: «Уважаемый товарищ Черемыш! Дирекция третьей северянской средней школы вынуждена обратить ваше внимание на неуспеваемость и недисциплинированность вашего брата Черемыша Геннадия, ученика пятого класса...» Ну, и так далее. Я что-то ничего сообразить не могу. При чем тут я? У меня никакого брата нет и не было.

– Это про меня... – сказал Гешка, хлопая глазами и чувствуя, как начинает ему колоть щеки прилившая к лицу кровь. – Но неуспеваемость за последнее время только. Честное слово, правда...

Эх, почему в полу нет проруби! Он готов был бы еще раз провалиться...

– погоди, – настаивал летчик. – Ну хорошо, ты не успеваешь, а я тут при чем? Написано: брат.

– Это я – брат, – пробормотал Гешка.

– Ты – брат? – удивился летчик.

– Ну, как будто брат...

– Чей брат?

– Ваш будто...

– Мой?

– Угу...

– Нет, ты, верно, простуду все-таки схватил. Жарок у тебя, я вижу. Дай-ка я тебе градусник...

– Да нет же... у меня нормальная! – в отчаянии завопил Гешка. – Это я просто... будто вы и, словом, я...

– Ну, ты, да я, да мы с тобой. А дальше?

– Вы не сердчайте только... Я сейчас скажу...

И он, всхлипнув, накрылся с головой одеялом.

Выслушивать нехитрую Гешкину исповедь летчику пришлось сквозь толстую байку. Климентий попробовал было пощекотать высунувшуюся пятку. Но грешник ни за что не вылезал на свет.

– Я два года... все про вас воображал, – слышалось из-под одеяла. – И по занятиям я из-за вас хорошо был... и по авиации тоже старался. Можете спрашивать. Я все отвечу. И

девиацию знаю... и триммер... Вы спрашивайте... Ну что хотите спросите.

– Чего ж тебя спрашивать? Вот пристал вдруг... Ну ладно. Как вот, скажи, допустим, ты бы машину посадил при боковом ветре, если, скажем, вынужден сесть или подходы иначе не позволяют?

– Посадка при боковом ветре производится при ветре, дующем справа или слева от направления посадки, – зарпортовал совсем иным голосом Гешка под одеялом. – Сажать при работающем моторе? – деловито спросил он.

– Ладно, бог с тобой уж, сажай с работающим.

– Тогда, значит, надо скользить на крыло туда, откуда ветер. И по-над землей выровняться и газануть как следует, чтоб шибче садиться, чем если как всегда.

– Фу ты история! – изумился летчик. – Прямо на три точки. Откуда это ты?

Через четверть часа Климентий знал уже все. Сперва он хмурился, потом только головой качал.

– Ну, вылезай, вылезай!.. Нечего уж теперь скрываться... – говорил он, расхаживая по комнате. – Что же, брат так брат! У меня таких братишек в каждом городе по двадцать человек. Честное даю слово! Не все, правда, себя так уж родственниками заявляют, но тоже вроде свояки. У меня даже переписка налажена: они о своих делах, о школе, а я – о своих! Работящие ребята! Но ты уж того, брат Гешка, немного лишка перехватил. Ты бы уж, в крайнем случае, один про себя играл, а то, видишь, и других в дело запутал. Да, неловко получается. Корысти, верно, тебе никакой, да врать не надо. Врать – это без пяти минут последнее дело.

– А последнее какое? – спросил Гешка.

– Последнее дело, – сказал Климентий Черемыш, садясь на край постели, – последнее дело, Геша, – это если долг свой, понимаешь, дело, которое тебе партией, народом поручено, и вот завалить. По-нашему, по-красноармейскому, это, значит, самое распоследнее дело. Понял?

– Понял, – сказал Гешка.

– То-то...

Летчик легонько потрепал его за нос:

– А у тебя, значит, тоже, как и у меня, однофамильцев хоть пруд пруди, а родни никого?

– Нет, у меня сестра в Москве есть. Только так... – Гешка махнул рукой. – Хоть и старшая сестра, ну неинтересная. Она, знаете, это... шьет, в общем.

– Портниха, что ли? – догадался летчик.

– Да, вроде. Там они какие-то спецодежды кроют.

– Ну что ж, тоже хорошее дело, – сказал летчик. – Без штанов, брат, тоже далеко не полетишь. Вот у нас вопрос с костюмами во время перелета был очень серьезный. Знаешь, нам какие костюмы сконструировали? Вот именно – сконструировали: про этот костюм и не скажешь – пошит. В старину говорили – шубу построить. Вот эти-то костюмы действительно

построены. Можешь себе представить: гагачий пух, кожа, шелк, тройная прокладка особая, теплая, непроницаемая, да еще электрическое подогревание. А ты говоришь – портниха...

Летчик встал, прошелся из угла в угол, потом опять подошел к кровати:

– Ну, как же теперь нам все это расхлебать?... Может быть, так и оставить? А? Пускай их себе думают, что братья. А? Как по-твоему?

Он наклонил голову и из-под широкого лба испытующе посмотрел на Гешку.

Гешка молчал.

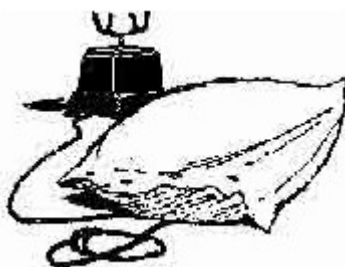
– Ну? Или как? – торопил летчик.

– Н-н-нет, – выдавил из себя Гешка, – это уж не годится. Лучше пускай уж знают. Все равно. А то какой же это я вам брат буду, если трусить и врать все? Нет уж!

– Это вот хвалю! Это подходяще! – воскликнул Климентий. – За это прямо впору бы и побрататься с тобой. Ладно, я уж в школе сам все это обделаю. Дразнить не будут.

Потом он вдруг сделался строгим, подтащил к кровати тяжелый стул, с грохотом поставил, сел на него верхом, скрестил руки на бархатной спинке.

– Вот что, друг: назвался братом, так уж изволь во всем соблюдать соответствие. Ну-ка, будя валяться! Вставай, одевайся, и давай-ка поговорим начистоту. Что же это ты? А? Зовешься моим братом, а в учебе такой тихход? По дисциплине у тебя тоже все гайки расконтрены. Никуда это не годится! Если уж хочешь быть братом, так давай условимся: фамилию высоко нести – не конфузить. Ты мне фамилию не порть! А то либо мне, либо тебе ее менять придется. Да и за чем дело стало? Теперь ведь учиться – одно удовольствие. Вот я посмотрел тут у тебя задачки. Легкие. Я уж тут от нечего делать взялся, пяток решил. Вот в наше, брат, время... Отдали меня в ученики... Так мастер, бывало, чуть что, как приложит счетной линейкой по зашивку – дважды два, – вот тебе и вся арифметика!

– Ну да, и у нас есть, попадаются трудные задачки, – возразил осмелевший Гешка. – Вон там в конце одна птичкой отмечена. Ее у нас никто в классе решить не может. Нам задали к уроку, а никто не решил.

– А ну, давай сюда твою задачку! – сказал летчик и, сняв фуражку, бросил ее на стол. – Эта? Так! Условие вполне подходящее. Ну-с, с чего начнем? Угу, понял! Дело ясное, проще пареной репы. Что там у нас? Двести пятнадцать, восемь десятых. Так, четыре пишем, шесть в уме... Очень распрекрасно! Теперь приписываем сюда. Сколько мы с тобой в уме держали?... Так. Отлично. Теперь раскроем скобки.

Под окном нетерпеливо заверещала машина.

– Ничего, подождет! – сказал летчик. – Главное тут – не спешить.

В эту минуту зазвонил телефон.

– Ну, невозможно заниматься! – рассердился Климентий.

Он снял трубку и накрыл ее подушкой.

– Так на чем мы остановились? Угу. Теперь делим это. Остается вычесть. Ну, и чего ж тут трудного!.. Все. Пожалуйста, чисто, как говорится.

Довольный Климентий надел фуражку, пошел к вешалке, стал облачаться в шинель.

– А в ответе вовсе не так, – сказал Гешка, заглянув в конец учебника.

– То есть как это не так?! – изумился летчик, возвращаясь к столу. – Гм! Действительно, совсем не так. Погоди, погоди, тут мы где-то с тобой напороли. Не может быть, не может быть! Нет, тут все правильно. Го! История... Я полагаю, это в задачнике

опечатка. Теперь часто бывает. Вот если выберут в депутаты, непременно вопрос поставлю насчет опечаток.

– Нет, у нашего учителя точка в точку по ответу вышло, – неумолимо отвечал Гешка. – Он нам показывал, как делать. Я забыл только.

Климентий, как был, в шинели, подсел к столу. За окном нетерпеливо гудел автомобиль. Под подушкой хрипела и курлыкала снятая трубка.

– Гм! Запарка у нас получается, – сказал летчик и сбросил шинель. – Ну, давай рассуждать вместе.

В это время кто-то постучал в дверь. Сперва слабо и робко, потом крепче и увесистей. Гешка прислушался. За дверями топтались и спорили.

– Иди ты вперед, – услышал он и узнал голос Риты.

– А почему это я? Пускай вон Лукашин идет, – донесся басок Плинтуса.

Гешка испуганно взглянул на летчика:

– Ребята там... из нашего класса...

Летчик поднял голову от тетрадки:

– Что говоришь? Ребята? Вот и хорошо! Сейчас ты им прямо так сам все и скажешь.

– Нет... Я лучше уйду... Я потом... – залепетал Гешка.

– Ну что ж, уходи. Уйти – дело нехитрое. Остаться – вот это да! Ну, так как решаешь?... Ты вот оденься пока.

И летчик, задернув полог, пошел открывать дверь.

Теснясь и прячась один за другого, отдавливая друг другу ноги, стараясь держаться около стен, вошли Рита, Плинтус, Лукашин, Званцев, а с ними еще трое ребят из пятого «Б». Летчик поздоровался со всеми по очереди. А Плинтус, поздоровавшись, быстро обошел за спинами ребят и ухитрился пожать руку героя еще раз... Все расселись – кто на стулья, кто на диван. Ребята смотрели на летчика и молчали.

– А как ваш брат Гешка? – спросила наконец расхрабрившаяся Рита.

Летчик стал очень серьезным. Потом он легонько крикнул и крепко потер ладонью затылок.

– Вот что, ребятки, – сказал он, вставая, – тут у нас маленькая путаница образовалась... Впрочем, пусть Геша вам сам все разъяснит. Давай, Геша!

И летчик раздернул шторы. Все заглянули в альков, где стояла кровать, но никого не увидели. Альков был пуст. Гешка снова исчез...

Летчик озадаченно посмотрел на ребят, прошел в альков, огляделся, даже под постель украдкой заглянул. Но Гешки нигде не было.

– Не выдержал, через ту дверь сбежал! – сказал сердито Климентий Черемыш, указывая на приоткрытую дверь из алькова в переднюю. – Ну что ж, – продолжал летчик, и внезапно лукавая ужимка тронула его лицо, тотчас ставшее снова серьезным, – ну что ж, придется, видно, мне самому... Должен я вам сказать одну нехорошую вещь про Тешу. Трус он, оказывается, вот что. А это, ребята, очень тяжело, когда вот твой родной брат – и оказывается трусом.

– Никто и не брат, никто и не трус! – раздалось вдруг из складок отдернутой шторы.

Материя зашевелилась. Рита испуганно взвизгнула.

И все увидели Гешку, который вылезал из своего убежища, красный и вспотевший.

– А, ты весь тут! – кричал летчик. – А я думал, только ноги твои здесь...

– А разве видно было? – еще пуще краснея, спросил Гешка.

– Да, брат, техника военной маскировки у тебя слабовата... Ноги-то из-под полога так и торчали...

Ребята, ничего не понимая, смотрели то на летчика, то на Гешку.

– Гешка! Ты чего ж это прятался? – спросил Званцев.

– Ничего я не прятался... Просто... я с духом хотел собраться...

– Ну, – сказал летчик, – набрался духу, теперь ныряй.

Гешка опустил голову.

– Ребята, – сказал он тихо, – правда... ребята! Можете прямо меня обозвать, как хотите... только я все равно скажу...

И Гешка во всем признался товарищам.

У ребят даже слов сперва не нашлось. Они сначала только ахнули и все отодвинулись от Гешки. Они смотрели на него почти с ужасом, Потом сердито придвинулись к нему.

– Ну, уж это знаешь как называется? – произнес Лукашин.

– Как не стыдно только врать было! – возмущалась Рита. – А мы-то: «братик, братик»...

– Погодите-ка, эдак вы... – начал летчик.

Но Гешка перебил его:

– Вы уж меня больше... не вытаскивайте... Хватит, что из проруби...

Он замолчал. И все молчали, подавленные, уже не глядя на Гешку.

Тогда негромко, простым, хорошим голосом летчик стал объяснять ребятам, в чем была ошибка Гешки, который истинную правду мечты своей от всех спрятал, а напоказ выставил только ложь. Вот мечта и превратилась в обман.

– Мечтать – дело хорошее, – сказал Климентий Черемыш, – только мечта с правдой дружить должна. Тогда и все прочее будет соответственно.

– Ну, раз мечтал так... – тихо сказал Званцев.

– Если б хоть про себя воображал, а то вслух! – возразил Лукашин.

Но его уж никто не поддержал.

– А ты сам вслух себя Чапаевым не воображаешь? – закричала вдруг Рита. – «По коням, по коням!» – передразнила она.

И все облегченно засмеялись.

Евдокия Власьевна зашла утром навестить Аню. Заговорили о Гешке, и девочка, не удержавшись, обо всем рассказала учительнице.

Евдокия Власьевна совсем переполошилась.

– Воображаю, что должен пережить этот ребенок! – волновалась она. – Не представляю себе прямо, что у них там разыграется...

Евдокия Власьевна поспешила в гостиницу.

Когда она подошла к гостинице, у подъезда стояли и гудели уже две машины. Коридорный гостиницы сказал ей, что летчик просил его не беспокоить, так как занят очень важным делом. Евдокия Власьевна постучала в дверь номера, но ей никто не ответил. Она потихоньку, с беспокойством приоткрыла дверь и вошла.

За окном гудели разноголосо и монотонно машины. Под подушкой на столе курлыкала снятая телефонная трубка.

Шинель лежала на полу, свалившись со стула. А герой, его самозванный брат и

друзья-товарищи из пятого «Б», кучно склонившись над столом, яростно спорили.

– Тут что-то не то! – кричал летчик, стуча кулаком по столу. – Мы действия верно произвели. Тут не в этом дело. Давай рассуждать сначала.

Задача решена

Климентий Черемыш собирался сам поехать в школу побеседовать с ребятами и все уладить окончательно. Но поспеть всюду он не мог. Его ждали на предприятиях. Он выступал на митингах, ездил в район, побывал на лесопилке, сделал, как обещал, доклад в казармах. Побывать в школе ему уже не пришлось. Но, верный своему слову, он прислал письмо, в котором повторил многое из того, что говорил ребятам у себя в номере.

Письмо это прочли в классе. Потом его поместили в стенгазете. Вот часть этого письма:

«... А теперь, дорогие товарищи из пятого „Б“, идут уже дела семейные. Я должен разъяснить одно небольшое недоразумение. Произошла маленькая путаница, и нам с Геннадием не хочется оставлять вас в заблуждении. Вся штука в том, что Геннадий не вполне мне брат, а скорее однофамилец, если уж так начать разбираться. Он тут порядком нафантазировал, а потом чуть сам себя не уверил. А вас уж и подавно. И вот это уже совершенно зря. Врать, конечно, не следует. Это уже самозванством отдает. А парнишка он хороший. Недаром я его из-под льда выудил. За вранье вы ему пропишите там что полагается. Но очень не усердствуйте.

Прибыли ему от родства со мной было немного. У нас почет идет не по роду, не по племени, а по делам. Будь ты там кум или брат чей угодно, а изволь сам себя проявить самостоятельно.

Ну, а мечта, товарищи, – штука в жизни весьма уважительная. Мечта человека в люди выводит. И смеяться над ней нечего.

Так что условимся давайте так. Поскольку уже вы привыкли меня считать близким родичем пятого класса „Б“, то беру и в дальнейшем братское шефство, что ли, над вами. И назначаю Геннадия – тезку по фамилии – по этой части главным, раз уж мы с ним побратались.

Но предупреждаю: узнаю если, что попрекаете его за прошедшее, кончено, точка нашей с вами дружбе.

Так что давайте, чтоб никаких этих дразнилок раз и навсегда! Беру с вас слово...

А задачку, которая у нас не выходила, я все-таки решил. И оказывается: решается-то она проще простого. А я прежде такое там накрутил... Это и в жизни случается. Хитрая задачка. Решение прилагаю...»

А Гешка вернул директору его письмо с распиской:
«Принято к сведению. Уверен, что выправится. Прочее соответственно.
За брата – Климентий Черемыш»

